

От автора и составителей

Данный том открывает второй цикл сочинений С.С. Алексеева, изданных в 1990–2009 гг., в начавшуюся эпоху кардинальных перемен в российском обществе, отвечающих требованиям Нового времени и сообразно этому – необходимости адекватного понимания смысла и предназначения права, которое было бы способно обеспечить прогрессивное развитие, обновление и реформирование общества.

Отсюда и новое концептуальное видение темы – основательное и ценностное постижение права как высокоперспективного, уникального, во многом еще не востребованного социального феномена, выступающего в своих извечных и совершенных формах в качестве высшего достижения цивилизации и культуры. Причем наряду с рассмотрением путей правового развития в России в данном, четвертом, томе даны концентрированно изложенные выводы и оценки права в его высших, по видению автора, значениях. При этом в настоящем томе по рубрикой «Линия права» пришлось поместить два сочинения, внешне, по фактическим данным, казалось бы, на одну тему, с той лишь существенной разницей, что первое из них («Уроки. Тяжкий путь России к праву», 1997 г.) посвящено становлению современного права в России, а второе («Круг замкнулся», 2004 г.) – освещению одной из главных концептуальных авторских идей. Плюс к этому в сочинении «Тайна и сила права» наряду со всем другим предельно кратко изложены обобщающие положения по итоговой монографии – «Восхождение к праву».

Таким образом, в четвертом томе представлены выводы и оценки, которые в последующих (пятом и шестом) томах рассмотрены в более подробном и конкретизированном изложении, включая положения постановочного и дискуссионного порядка. Эти тома:

- том пятый – «Самое святое, что есть у Бога на земле» и «Право на пороге нового тысячелетия»;
- том шестой – «Восхождение к праву».

Как и в предшествующем цикле, сочинения, помещенные в четвертом—шестом томах Собрания, представлены в том виде, в каком они были изданы в тот или иной период наступившей эпохи перемен, без какой-либо доработки или исправлений по содержанию, за исключением необходимой редакционной и системной правки, а также некоторых коррективов в литературных произведениях (том десятый).

С.С. Алексеев,
С.А. Степанов,
Н.П. Зарипова

УРОКИ

Тяжкий путь России к праву

1997

МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

По начальному замыслу я намеревался написать эти заметки в том же стиле и ключе, как и большинство биографически-мемуарных изданий участников событий 1980–1990-х годов, т.е. описать все то, что видел и пережил в связи с крушением гигантской евразийской империи — Советского Союза — и попытками создания в России демократического общества. По-видимому, какие-то затронувшие меня события этой поры (первые шаги законодательства вне партийного контроля, первая попытка формирования конституционно-правосудного органа, работа над Конституцией и Гражданским кодексом) представляют некоторый интерес — и для моих современников, и, возможно, для людей, которые придут нам на смену, для моих коллег, историков права и развития государственности в России.

И все же после некоторой работы над заметками я отказался от первоначального замысла.

Почему? Отчасти потому, что по содержанию аналогичных изданий увидел, что они во многих случаях имеют преимущественно фактологический характер, а также понял, насколько велики и, пожалуй, неизбежны в такого рода изданиях личностные акценты, порой стремления утвердить свое место и имя в событиях и оценках — дело, которое никакого смысла ни сейчас, ни в перспективе не имеет.

Но главное — другое.

Все же судьба вынесла меня в гущу событий, потрясших мое Отечество, не как некоего избранника или стороннего наблюдателя, *а как служителя науки*. И потому мой профессиональный и гражданский долг — не просто описать известные мне события (хотя этого не избежать), а попытаться осмыслить эти события, сделать из них выводы, извлечь из них в меру своих сил, понимания и умения *уроки*.

Настоящее издание посвящено урокам в области права. И это существенно важно не только потому, что именно право стало моей профессией, личной судьбой, болью и надеждой, но еще и потому, что развитие России в постсоветское время во многом оказалось как раз трудной и тернистой дорогой к праву в высокочеловеческом его понимании. Такой дорогой, когда в сложном переплетении крупных социальных сдвигов, экономических и политических обретений и потерь,

в тяжких родовых муках, в духовных и нравственных противоборствах стали грань за гранью раскрываться смысл и предназначение гуманистического права – этого, наверное, самого сложного и вместе с тем по всем меркам высшего, цивилизационного феномена, от состояния и развития которого решающим образом зависит судьба людей, всего общества, наше будущее.

И поэтому попытка извлечь уроки для науки права из тех событий в России, которые пережиты, а порой и выстраданы в годы трудных перемен на пороге нового тысячелетия, может, пожалуй, стать достаточным оправданием этих заметок, во многом несовершенных и в чем-то, понятно, также не лишенных личностных акцентов и оценок, к которым прошу читателя отнестись с пониманием и снисхождением.

Екатеринбург,
С. Алексеев
март–апрель 1997 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПЕРВЫЕ УРОКИ

1. Знакомство с правом

ВПЕРВЫЕ я познакомился с правом в 1945 году, в год окончания опустошительной и безмерно тяжелой Отечественной войны с фашизмом, осенью, когда после демобилизации из армии поступил в Свердловский юридический институт (теперь по новой вузовской градации – Академию).

Помнится, поступал я в институт с солдатским напором. Поступал сразу же после приезда в Свердловск из Москвы, где с апреля 1945 года после Карельского фронта стояла наша воинская часть, с запозданием после окончания приема месяца на два. Только в октябре–ноябре выправил аттестат о среднем образовании у директора той школы, из которой в 1942 году был призван в армию. И – заявление о приеме в институт.

Прочитав мою анкету, где я честно написал о своем отце, в то время отбывавшем лагерный срок по разряду «врага народа» на Колыме, начальник спецотдела института, средних лет женщина в кителе, по-дзержински, как, видимо, ей думалось, в упор минуту-другую попытала меня взглядом. Я также молча, старясь – как мне казалось – быть выразительным, перевел ее взгляд на свою гимнастерку, сохранившую приметы недавней фронтовой поры. Сбѣгала куда-то. Вернувшись, сказала: – Ладно, учись. А с распределением – не знаю уж как...

ЧТО ЖЕ повлекло меня в юридический институт?

Не знаю. Толком не знаю.

Не стало же здесь побуждающим мотивом мое школьное и солдатское знакомство с юридической материей, которое должно было, напротив, навсегда отвлечь любого человека от всего «юридического». Нудные уроки в школе по сталинской конституции. Ранне-утренний обыск энкэвдешников в квартире во время ареста отца, когда была найдена и с торжеством изъята одна-единственная улика – двухтомник Есенина в обложке с плачущей березкой. Или – короткие фронтовые военно-полевые суды над дезертирами.

Конечно, каким-то толчком к поступлению в юридический институт послужил рассказ об институте старшей сестры моего приятеля Ильи Михайлова, с кем мы, единственные — он да я, живыми вернулись с фронта (а было нас, призванных в армию одноклассников, в доме десятка полтора, не менее). В то время я крепко увлекся литературой, настроился на то, чтобы — чего уж там! — стать писателем. Еще в 1944 году в Заполярье, в бесконечно тянущееся время дня-ночи, при блеклом свете мерцающей коптилки начал, а в Свердловске после демобилизации закончил несколько повествований, отдающих наивным околорейдистским натурализмом и надрывом. И рассказ сестры приятеля подтолкнул меня к мысли: вот она юриспруденция, глубочайший след за фронтом кладезь житейских драм, обнаженных людских коллизий, сама преисподняя живой жизни, пиши-не-хочу великие творения.

И все же по прошествии многих-многих лет мне думается, что было здесь, в моем упорстве при поступлении в юридический институт, и нечто другое, более основательное. Недаром столь много фронтовиков подалось в юрвузы. Война своей ужасной реальностью — кровью, мерзостью окопного житья, вонью и вшами, близостью и обыденностью смерти — не могла не подтолкнуть к тому, чтобы попытаться найти в жизни что-то другое, надежное и чистое (в ту пору, понятно, мне и в голову не могло прийти то, что сейчас можно добавить к приведенным словам, — да, надежное и чистое, и то, что от высших явлений человеческой цивилизации, то, что может стать крепкой защитой человека от мерзости, в том числе от войны).

Во всяком случае 31 декабря 1945 года, в новогоднюю ночь, когда в соседней комнате — квартире соседки, ведавшей продовольственными карточками (а жили мы в студенческом корпусе, комнаты которого были переделаны в квартирки для сотрудников), уже всюду гремела пьяная ночная гульба, я сидел на полу, прижавшись спиной к теплой батарее, зубрил всеобщую историю государства и права, и именно тогда меня внезапно обдало жаркой, хотя и смутной мыслью: а ведь теперь я никогда не спрашиваюсь с правом!

2. В плену фантазий и фальсификаций

РАССКАЗЫВАТЬ об этом — о том, что так легко пленило меня уже на первом курсе юридического института и стало наваждением на долгие годы, — мне горько и стыдно. И страшно. Горько и стыдно за то, что так просто поддался соблазнительному искушению, а потом немалое число лет, и — увы — безуспешно, пусть и с какими-то корректив-

вами, демократическими потугами, проповедовал ленинско-сталинские юридические постулаты, фантазии и фальсификации, всю игру в фальшивые околонучные игры. А страшно потому, что во всей этой легкости, снизошедшей на всех нас, учившихся в советском юридическом вузе, было что-то неотвратимое, жестокое, бесчеловечное.

Что ж, и это хотя и горький, но опыт. Первые уроки. И быть может, не будь этих по большому счету зря потраченных лет, впустую истраченной энергии, труднее шло бы постижение права (любая основательная истина должна быть *выстрадана*). Главное же — как ни крути — в то время шло служение не некоей, как представлялось, науке, а безжалостному несправедливому тираническому режиму — сталинской диктатуре. За это нам, юристам той поры, еще долго придется держать ответ. И, наверное, не столько перед своими согражданами и перед Историей, сколько перед своей совестью.

Но рассказать обо всем этом надо. Хотя бы для того, чтобы попытаться понять тогдашнюю эпоху во всей ее неординарности, противоречивости, искусительной коварности, бесчеловечности. И значит — для нашей настороженности, если угодно — бдительности, для того, чтобы все мы начали постигать самое трудное мужество. Мужество устоять, не поддаться силе, соблазнам и искушениям, исходящим от самых страшных демонов нашей жизни — власти и идолопоклонства.

ДЛЯ МЕНЯ втягивание в официальную юриспруденцию того времени началось вот с чего.

На первом курсе учебную дисциплину по теории государства и права преподавал профессор Розмарин — поляк-эмигрант, высокий, изящный, рассказывающий с кафедры хорошим русским языком с приятным польским акцентом о «гениальном учении товарища Сталина о государстве» и, понятно, о «великом Ленине». И как-то он прочитал в своей возвышенной, очаровывающей нас тональности выдержку из какой-то ленинской статьи, где, в свою очередь, делалась ссылка на революционера-публициста конца XIX века Фердинанда Лассалья, который, отмежевывая друг от друга «формальную конституцию» и «фактическую конституцию», признавал в качестве второй (фактической) конституции данной страны) реальное соотношение в ней классовых сил. Все, как говорится, близко к правде и в ленинском духе.

Внезапно меня осенило, что брошюра Ф. Лассалья — вот удача! — есть в отцовской библиотеке. Я нашел ее и затем по какому-то внутреннему зову или наитию быстро, в два-три дня написал сочинение о сущности конституции (сейчас мне подумалось — вот ведь в какое

давнее время судьба столкнула меня с конституционной тематикой!). Передал я это сочинение нашему профессору и спустя некоторое время был отмечен мэтром, прочитавшим с кафедры в своей характерной возвышенной тональности небольшой отрывок из моего опуса.

Но как раз это — легкость подобного сочинительства и скорое поощрение за него — и оказалось для меня, как я вижу теперь, великим несчастьем. Оно, в странном сочетании со всем другим (действительно относящимся к науке, об этом — дальше) в довольно большой степени определило немаловажные стороны дальнейшей работы на научной стезе. И пусть в последующем, особенно в связи с моей нарастающей увлеченностью специально-юридической проблематикой, такой ориентировки на марксистских классиков становилось все меньше и меньше. Пусть все это в немалой степени превратилось в цитатный камуфляж, стало данью марксистско-идеологической обязаловки. Тем не менее, что ни говори, марксистско-ленинский антураж долгое-долгое время, вплоть до конца 1980-х годов, когда я был уже увенчан профессорскими и академическими званиями, сопровождал меня.

3. Бесовщина

ИМЕННО здесь, в только что отмеченных сторонах научной и околонаучной деятельности, следует искать своего рода секреты марксистской, ленинско-сталинской «общественной науки», разросшейся до невиданных масштабов в советском обществе.

Сотни институтов и учебных заведений, десятки и сотни тысяч книг, учебников. Непрерывная долбежка «классиков марксизма-ленинизма» — чуть ли не с детских садов, с начальной и средней школы, во всех высших учебных заведениях, до широкой, всеобъемлющей сети «университетов марксизма-ленинизма».

Откуда это все? Откуда эти плодовитость научных мужей, масштабность научных свершений и преподавания (на что партийно-государственная машина никаких ресурсов, никаких денег не жалела)?

Один из подноготных секретов как раз в том, что «творить» на ниве марксистско-ленинских общественных дисциплин, куда были втянуты в своих философско-теоретических частях и науки о государстве и праве, было в советских условиях во многих отношениях просто, легко, непринужденно-лихо. Не отклоняйся только от партийной линии. Одна-две-три цитаты из «классиков» (великое открытие, если найдено новое высказывание, пусть даже обрывок случайной фразы), плюс вы-

держки из партийных документов, плюс несколько фактиков, вольно отобранных, вольно, с заданной целью скомпонованных и истолкованных, и вот тебе вся «наука» — обосновывай заранее известные выводы, сочиняй масштабные исследования, книги, учебники. Возник некий цитатно-мифический полуреальный мир, доступный и внешне престижный, в котором вращались многие тысячи научных сотрудников и преподавателей, по большей части искренне веровавших в основательность и глубину своих околонаучных свершений.

И еще одно, от чего не следует отмахиваться. Это — коварная, бесовская притягательная сила марксистских откровений, особенно в их ленинско-сталинской интерпретации (явно с прямым их «выходом» на подсознание, на первую сигнальную систему). Тем более что они нередко схватывали и верные грани действительности, а порой содержали оригинальные сильные суждения, поражающие своей неординарностью, парадоксальностью. Конституция — это не какой-то там основополагающий закон, а соотношение классовых сил. Законы — это не государственная регламентация общих условий жизнедеятельности, а воля господствующего класса. Государство — не организованное сообщество людей, а машина классового подавления. Верно-то как! Прямо в яблочко!

Не надо поэтому упрощать ситуацию, умалять обольстительно-покоряющее обаяние марксизма. Так же, как и обманчивое обаяние любых иных идеологических построений, основанных на утопиях и мифах, «простых» истинах, стреляющих фразах-патронах.

Так что состояние дел в общественных науках в пору марксистского коммунистического режима — это не только некое наваждение и неотвратимое следствие тиранической диктатуры. Это — бесовщина. И коренится она не только в непререкаемой системе единомыслия, покоящейся на единодержавной партийно-кэгэбистской власти. Она еще (а быть может, прежде всего) — во вкрадчивом, порой парадоксально-броском, впечатляющем коварстве марксистских постулатов, напрямую воздействующих на скрытые пружины человеческих мыслей и поступков и с какой-то неотвратимостью влекущих людей в темное царство иллюзий, мифов и насилия.

4. Другой мир

В ПЕРВЫЕ ЖЕ годы учебы в институте (напомню, это 1945–1946 годы) состоялась встреча и с другим, дотоле неведомым мне Миром, к которому, как выяснилось потом, и принадлежит Страна Права.